Ли Сын Ок

МОТИВ «ДОМ-АНТИДОМ» В ПЬЕСЕ М. БУЛГАКОВА «ЗОЙКИНА КВАРТИРА»

Работа представлена кафедрой новейшей русской литературы.
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор М. А. Черняк

Автор раскрывает специфику мотива «Дом-Антидом» в пьесе «Зойкина квартира» М. Булгакова, выявляя отличие Дома от Антидома в его творчестве. Образ Дом-Антидома поможет уяснить процесс возникновения антиутопического пространства в художественном мире М. Булгакова.

Ключевые слова: Дом-Антидом, «Зойкина квартира», драматургия, М. Булгаков.

The author shows the specifics of the motive «House – Anti-House» in M. Bulgakov's play «Zoya's apartment» («Zoykina kvartira»), revealing the difference between «House» and «Anti-House». The images of «House» and «Anti-House» help to understand the process of origin of anti-utopian space in M. Bulgakov's artistic world.

Key words: House – Anti-House, «Zoya's apartment» («Zoykina kvartira»), dramaturgy, M. Bulgakov.

В средоточие комплекса вопросов, которые остро звучат на страницах булгаковских произведений, входит тема Дома и Города, так как через судьбу города можно увидеть и особенности нового общества: ведь город, как форма общественного бытия является центральной идеологемой цивилизации. Образ Города традиционен в русской литературе. Пристальный и неизменный интерес к этой теме объясняет Ю. М. Лотман: «Город, как сложный семиотический механизм, генератор культур, может выполнять эту функцию только потому, что представляет собой котел текстов и кодов, разноустроенных и гетерогенных, принадлежащих разным языкам и разным уровням» [10, с. 35]. Важным в этом, столь любимом писателями образе является то, что Город, будь то Москва, Петербург, Киев или любой другой, уже заведомо несет за собой шлейф мифов, легенд, преданий, весь «субстрат духовно-культурной сферы», куда входят уже существующие литературные произведения, их персонажи, памятники архитектуры и культуры, площади, улицы и т. д., т. е. весь культурный пласт, который образ Города в себе содержит. Для Города человек анонимен и обезличен, и в этом заключена своеобразная загадка, трагедия и предопределенность. А для человека, напротив, Город – явление личное и целостное, каждый его воспринимает индивидуально и по-разному. Основной единицей Города является Дом. Символические образы Города и Дома затрагивают самую суть идейного замысла произведения, обращение к ним позволяет расставить необходимые акценты, выявить позицию автора.

В художественном мире М. Булгакова мотив «Дома» занимает важное место. Образ Дома не только представлен практически в каждом произведении М. Булгакова, но и организует пространство его произведений, можно утверждать, что образ Дома – один из основополагающих в творчестве М. Булгакова. Так, например, А. Кораблев замечает: «Образ Дома – один из ключевых в творчестве М. Булгакова... И квартирный вопрос в его произведениях неизменно сопрягается с общей проблемой человеческого существования, причем не только в конкретно-бытовом, но и в философском, бытийном смысле» [9, с. 241–242].

Заслуживает внимания, то, что исследовательские интересы были обращены на образ Дома в творчестве Булгакова в основном в таких произведениях, как романы «Белая гвардия», «Мастер и Маргарита», пьеса «Дни Турбиных». В частности, Дом Турбиных в романе «Белая гвардия» и в пьесе «Дни Турбиных» не только занимает важное место в творчестве Булгакова, но и заставляет обнаружить его мироощущение и отношение к революции.

Атмосфера Дома Турбиных ярко обнаруживается в словах Лариосика, кузена Турбиных: «*Елена Васильевна, и в квартире у них тепло и уютно, в особенности замечательны кремовые шторы на всех окнах, благодаря чему чувствуешь себя оторванным от внешнего мира...*» [3, с. 359]. Приведенный пример свидетельствует, что Дом Турбиных насыщен вечностью, порядочностью, прочностью, осветляющей и воскрешающей силой, и этот дом – единственное спасение в растревоженном мире, ввергнутом в революционный хаос.

Не случайно дом Турбиных обретает черты **«дома-ковчега»** в смысле спасения

и защиты. Образ Дома Турбиных, который оценивается в целом положительно, как единственное пространство, оказавшее персонажам покровительство, проникает в «вечный дом» романа «Мастер и Маргарита». Маргарита говорит Мастеру: «*Вот твой дом, вот твой вечный дом. Я знаю, что вечером к тебе придут те, кого ты любишь, кем ты интересуешься, и кто тебя не встревожит... Ты будешь засыпать, надевши свой засаленный и вечный колпак, ты будешь засыпать с улыбкой на губах*» [6, с. 372].

Вечный дом в романе «Мастер и Маргарита» насыщен атмосферы **«покоя»**, в этом суть булгаковского дома. Нельзя не согласиться с мнением В. Ждановой: «Булгаков неизменно связывает понятия дома и покоя. Дом, в котором покой утрачен, перестает быть домом. Покой наполняет дом. И нет покоя вне дома. Дом, противостоящий внешнему хаосу, буре, метели, – сквозная тема творчества М. А. Булгакова» [8, с. 123].

Таким образом, дом Турбиных и вечный дом Мастера – мечта о потерянном Рае и воплощение вечного покоя. В этом смысле, Дом Булгакова обретает **черты утопического пространства**.

Однако, следует подчеркнуть, что образ Дома как утопического пространства закономерен лишь в Доме Турбиных «Дней Турбиных» и в вечном доме «Мастера и Маргариты». Как правило, большинство образов дома в творчестве Булгакова представлено в совсем другом аспекте. В связи с этим для исследования образа дома булгаковских произведений справедливо понятие **«Дом-Антидом»** Ю. Лотмана. В своей работе «Дом в “Мастер и Маргарите”» Ю. Лотман проводит глубокий научный сравнительный анализ понятий «Дом» и «Антидом» на материале прозы М. Булгакова: «Среди универсальных тем мирового фольклора большое место занимает противопоставление Дома (своего, безопасного, культурного, охраняемого покровительственными богами пространства), Антидому, “лесному дому” (чужому, дьявольскому пространству, месту временной смерти, попадание в которое равносильно путешествию в загробный мир)» [11, с. 748].

Ю. Лотман, считающий «символику Дома-Анитдома одной из организующих на всем протяжении творчества Булгакова» [11, с. 748], полагает, что для Булгакова Дом – средоточие духовности, находящей выражение в богатстве внутренней культуры, творчестве и любви, место гарантированной интимности, Антидом – адское место для живого человека, дом скорби, место инфернальных явлений и темного доноса. [11, с. 749, 753]. Лотман применил понятие «Дом-Антидом» в основном к роману «Мастер и Маргарита», однако представляется возможным расширение этого понятия на всю драматургию Булгакова.

Показательна в этом отношении пьеса «Зойкина квартира». В ней **впервые возникает образ Антидома** после того, как была разрушены интимность и покой Дома Турбиных. В «Зойкиной квартире» возникает первое антиутопическое пространство и антиутопический мир после того, как были сняты «кремовые шторы» Дома Турбиных.

Одним из важнейших черт «Антидома» в пьесе «Зойкина квартира» становится разрушение интимности личной жизни. В самом начале первой картины первого акта Аллилуя, председатель домкома, слушая ответ: «Нет дома Зои», прямо идет в дамскую спальню. Это свидетельствует о том, что в отличие от Дома Турбиных, который полностью защищает жильцов от страшного внешнего мира, никто не может нарушить покой дома и помешать личной жизни, в Зойкиной квартире, даже спальня, одно из самых интимных пространств личности, утрачивает функцию защиты. Разрушение интимности дома представляет собой фундамент возникновения антиутопического пространства, поскольку это тесно связано с контролем над личностью.

Заслуживает внимания то, что Аллилуя, председатель домкома, который сам говорит: «Я всюду могу проникнуть» [5, с. 79], нарушает интимность дома и контролирует личность. Образ управдома глубоко проникает во все творчество Булгакова. Постоянные жилищные проблемы писателя вызвали у него ненависть к послереволюционным домкомам, отразившуюся во многих его произведениях – «Собачье сердце», «Зойкина квартира», «Блаженство», «Иван Васильевич», – где соответствующим персонажам были приданы отталкивающие черты взяточников, недоумков, доносчиков: Лисович в «Белой гвардии», Аллилуя в «Зойкиной квартире», Бунша-Корецкий в «Блаженстве» и Бунша в «Иване Васильевиче», Швондер в «Собачьем сердце», Иван Босой в «Мастере и Маргарите».

Любопытно замечание Ю. Бабичевой о сквозном образе управдома в творчестве Булгакова: «Уже в комедийной “музыкальной табакерке” в Зойкиной квартире управдом Портупея (или Аллилуя с его призрачной, но непререкаемой властью над населением многоквартирного дома) явился зловещей тенью, омрачившей новый быт, и недобрым пророчеством прозвучал его музыкальный лейтмотив: “Многия ле-е-ета!”, намекающий на цепкую живучесть этого явления» [2, с. 126].

Поэтому не случайно, что подобный образ управдома повторяется в пьесе «Блаженство», которая является одной из наиболее антиутопических произведений Булгакова. В самом начале первого действия «Блаженства» управдом Бунша контролирует личную жизнь Рейна: «*РЕЙН. Вы – старый зуда, шляетесь по всему дому, поглядываете, а потом ябедничаете, да, главное, врете! / БУНША. Я – лицо, занимающее официальный пост, и обязан наблюдать. Меня тревожит эта машина, и я вынужден буду о ней сообщить*» [4, с. 386].

Управдом у Булгакова становится неким синтетическим образом, объединяющим в себе все пороки нового советского человека (приспособленец, наблюдатель, контролер, доносчик, взяточник и т. д.). Неприятный визит и контроль управдома тревожит героев и порождает постоянный страх, нарушая интимность жильцов дома. В результате этого герои не чувствуют покоя в доме, Дом превращается в Антидом как незащищенное пространство. В этом смысле образ управдома обретает характер не только основателя антидома, но и своеобразного хозяина антиутопического мира.

Зойкина квартира стала ложным, обманным, интриганским домом. Вранье, обман и интрига здесь являются сквозной темой и лейтмотивом. Важно то, что пьеса начинается с вранья и обмана Зои и Манюшки: «*МАНЮШКА. Зоя Денисовна, Аллилуя к нам влез./ ЗОЯ. Гони, гони его, скажи – меня нет дома...*» [5, с. 78]. Все персонажи обманывают друг на друга на всем протяжении пьесы, в Зойкиной квартире истинности не существует. Атмосфера вранья и обмана распространена не только в Зойкиной квартире, но и во всей Москве: «*ОБОЛЯНИНОВ. Вообще в Москве нет ни одного порядочного человека. Все жулики. Никому нельзя верить. И голос этот льется, как горячее масло за шею...*» [5, с. 84].

Зойкина квартира, превращенная в мастерскую днем, преображается в салон ночью: «Постоянен и важен в пьесе и мотив всеобщего переодевания, “смены личин”, бесконечных трансформаций. Показательна мастерская-ателье-публичный дом. Аметистов – актер и заведующий “подотделом искусств”, пожарный и этнограф, дворянин, “бывший кирасир” – и карточный шулер, “старый закройщик” – и приближенный ко двору, служащий у Пакэна – и “сочувствующий”. Комиссия Наркомпроса – муровцы, прачечная – она же лавка наркотиков, оборотень Херувим и т. п.» [7, с. 626]. Именно Зойкина квартира не является домом для жилья, становясь лишь маской дома-Антидомом.

Следует особо подчеркнуть, что образ Антидома полностью представлен во второй картине третьего акта. Здесь

сцена построена более сложно. На сцене показаны все комнаты квартиры, и когда «распахивается занавес, показывается наша, превращенная в курильню с китайским бумажным фонарем» [5, с. 130]. Модель играют в «зале» на «эстраде», а сама она построена из «помоста». На такой сцене сложно разграничить пространство для песен, танцев, аукциона, поцелуя Лизаньки, курения, а в центре создана эстрада для игры моделей. Более того, за сценой постоянно звучат музыка, фокстрот, хохот, чей-то голос, рыдания «мертвого тела», иногда бывает слышен хохот Зои, Мымры, Ивановой и разные звуковые эффекты. Справедливо замечание по поводу этой сцены Ю. Бабичевой: «В целом вся симфония (точнее – какофония), ведь “адский концерт” этой страшной “музыкальной табакерки” рождает у читателя (и зрителя) необходимое ощущение нереальности, неправомерности, ненужности зыбкого и преходящего быта переходного времени, уродливой мимикрии разрушенного мира, стремящегося как-то сохранить себя в новых условиях. Не жизнь, а признак жизни, наваждение, “адский концерт”, “дьяволиада”» [1, с. 80].

Таким образом, в пьесе «Зойкина квартира» не только обнаружен процесс и причина становления антидома; можно утверждать, что мотив «Дом-Антидом» наиболее ярко выражен в творчестве Булгакова. В пьесе «Зойкина квартира» дом потерял свой функцию как Дома, превращается в Антидом. В результате обитатели, которые потеряли свои утопические пространства, испытали разорение и катастрофы. С этого периода до «Вечного дома» последнего романа «Мастер и Маргарита» никакой дом в творчестве Булгакова не обладает чертами утопического пространства и образ Антидома, проникающий во все творчество писателя, представляет собой миниатюру советской антиутопии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бабичева Ю. В.* Жанровые особенности комедии М. Булгакова 20-х гг. («Зойкина квартира») // Жанрово-композиционное своеобразие реалистического повествования. Вологда: Вологодский ГПИ, 1982. 121 с.

2. *Бабичева Ю. В.* Фантастическая дилогия М. Булгакова. («Блаженство» и «Иван Васильевич»). // М. А. Булгаков-драматург и художественная культура его времени. М.: СТД РСФСР, 1988. 496 с.

3. *Булгаков М. А.* Белая гвардия // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1989. 621 с.

4. *Булгаков М. А.* Блаженство // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1990. 702 с.

5. *Булгаков М. А.* Зойкина квартира // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М.: Художественная литература, 1990. 702 с.

6. *Булгаков М. А.* Мастер и Маргарита // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т Т. 5.. М.: Художественная литература, 1990. 734 с.

7. *Гудкова В.* Пьеса «Зойкина квартира». Комментарий // Булгаков М. А. Собр. соч.: В 5 т. Т. 3. М.: Художественная литература. 1990. 702 с.

8. *Жданова В. А.* Тема дома в творчестве М. Булгакова // Начало. Вып. 6. ИМЛИ РАН., М., 2003. 304 с.

9. *Кораблев А.* Мотив «Дома» в творчестве М. Булгакова и традиции русской классической литературы // Классики и современность. М., 1991. 307 с.

10. *Лотман Ю. М.* Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург. Труды по знаковым системам. Вып. XVIII., Тарту, 1984. 235 с.

11. *Лотман Ю. М.* Дом в «Мастер и Маргарита» // Лотман Ю.М. О русской литературе. Статьи и исследования. СПб.: Искусство, 2005. 845 с.